

13 декабря 1979 г. № 101 (5317)

Мариэтта ШАГИНЯН

ПЕТЬ НАДО ПО-СВОЕМУ

Говорить о Евгении Евгеньевиче Нестеренко для меня священная обязанность. Это величина первой степени. Не потому только, что у этого художника исключительный по красоте бас и он им владеет превосходно, но потому, что все эти данные находятся в одном нравственном единстве советского типа. Нестеренко — представитель советского характера в искусстве, что чрезвычайно важно. Ошибаются те, кто говорит, что талант позволено все, что сам собой он может покрыть любые недостатки характера. Ошибаются эти люди, потому что нравственное существо человека — это лоно, на котором вырастает подлинное искусство. То искусство, которое обогащает слушателей и входит в мировую сокровищницу культуры.

Я люблю Евгения Евгеньевича. Он доставляет мне колоссальное удовлетворение и наслаждение, когда я его слушаю. А знаю я его давно. С его юных лет я прислушивалась к появлению в эфире его голоса, к методике пения, в которой есть какая-то особая чистота отдачи. Как о человеке о Нестеренко я узнала совсем недавно. Но то, что я узнала, раскрыло мне, по существу, огромное взаимодействие этой музыки с массами слушателей и ее специфическое, особое действие на меня.

По-настоящему глубоко я услышала его по 14-й симфонии Шостаковича, написанной на тексты самых разных поэтов, начиная с современных западных и кончая декабристом Кюхельбекером. В этом разнообразии Шостакович по собственному его методу восприятия поэзии сумел найти глубокое единство переключки разных вещей разных эпох. Меня поразило, что в интерпретации Нестеренко была какая-то особая убедительность. Каждый раз, когда он менял свою арию, чувствовалась не только текст, не только гениальный Шостакович, но чувствовалась подача музыки Шостаковича в той первоначальной чистоте, в какой она рождалась под пальцами композитора.

Мне как-то рассказал Евгений Евгеньевич, что, когда он пел арию о французской тюрьме Санте, у него дрожало все внутри, он сам себя ощущал в тюрьме, пережил и это, и то, что вложил Шостакович в музыку. Это переживание не было увеличено ни единым звуком какой-то собственной подачи. Но мы воспринимали настоящую дрожь, потрясшую его организм.

Как-то я разговаривала с редактором, постоянно записывающим пение Нестеренко для радио, и она очень точно сказала о разнице подачи музыки. Вот, скажем, арию романса «Я стражду» поют обычно с огромной затяжкой в музыкальном счете: «я страаажду». То есть музыкант как бы театральнo увеличивает эффект страдания, отмеченные в рукописи композитора ритм и длину ноты исполнения певцом этого места. Но сам Евгений Евгеньевич поет все в точности, как это написано композитором. И звучит это с необычайной силой. Почему? Потому что, когда человеку больно и он страдает, он не может стонать перед людьми «я страаажду». Ему же больно. Он может только сказать «я стражду». И в этом выражается гораздо больше страдания, чем в растягивании.

И этот пример заставил меня задуматься над тайной исполнения, тайной передачи вокала, правильной, без внесения от себя того, что певец считает исполнительским талантом. Понимаете, в чем дело? Слово тоже имеет свою технологию, и каждое слово, рожденное музыкантом на поэтический текст, не должно превышать тех пределов, которые вкладывает в слова поэт, а расшифро-

вывает в музыке композитор. В этом великая особенность исполнения Евгения Нестеренко. К сожалению, часто певцы любят добавлять от себя, думая, что такие затягивания, всякого рода эмоции выявляют его индивидуальность. Так они и переходят в традицию от одного певца к другому, рождая трафарет. Есть трафареты тенорового исполнения, трафареты баса. А петь надо по-своему. У певца инструмент в нем самом: его

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

голос. Вы не можете инструментом оркестра растягивать что-либо против музыкального счета, против ритма, вложенного в музыку. Это просто развалит целое. Так почему же певец может без конца своим собственным инструментом, своим голосом идти против музыкальной, творческой записи композитора?

Новаторство Нестеренко — это первое, огромное свойство, которое он несет в вокал и чему надо учиться новой школе советского пения. Кстати сказать, замечательно у Нестеренко то, что он патриот русской советской певческой школы. Патриот, начиная с духовного пения. В духовном пении исполнение не допускало никаких вариаций на текст. Никакой самостоятельности. Это было пение по нотам, но пение, исполненное глубоко внутреннего проникновения в текст. Это певческое начало русского пения перешло к большим вокалистам и в технологию русской школы.

В основном, по мнению Евгения Нестеренко, русская певческая школа и технология стоят выше всех остальных школ в мире. Так и Ломоносов считал русский язык лучшим языком в мире. Это особая форма патриотизма. Можно соглашаться, можно не соглашаться, но это чрезвычайно ценно для нашей культуры, развития русской музыки. Чрезвычайно ценное убеждение, проводимое в жизнь Нестеренко.

Сейчас в элементы классической музыки вторгается не развивающая ее, а как бы убивающая ее струя эстрадного громкоговлазия. Вот это и влияет на исполнителей со слабыми голосами. Люди мирятся с маленьким голосом, ищут не наслаждения чистотой звука, а какого-то раздражителя нервов.

Приезжал недавно знаменитый зарубежный певец. Многие с ума посходили о нем. А я моим слабым слухом (через аппарат), может быть, чего-то недослышала, но в основном, хотя могу показаться очень отсталой, он мне совсем не понравился. Скажу честно, мне он показался монотонным. Он пел Шуберта, как Шумана, Шумана, как других современников-немцев и других певцов других стран. У него были малые данные в смысле голоса. И я не понимаю, что, собственно, могло увлечь в нем. Я знаю великодушных исполнителей Шуберта, от которых вы чувствуете как бы холодок в позвоночнике. Когда узнаешь подлинное в искусстве, это огромная минута для слушателя, минута соприкосновения с истиной, истиной в исполнении. Это редчайшее наслаждение. Но этого наслаждения он, по-моему, никому не давал.

А вот Нестеренко дает его в каждом своем проявлении. Репертуар у него очень разнообразный. Он может в один вечер перейти от духовного пения к какому-нибудь очень сильно эмоциональному — скажем, Мефистофелю. Но разнообразно подавая этот материал, он сходен в главном — во вку-

се. Быть все время на верхнем этаже человеческого понимания искусства! Это очень большой вкус, воспитанный учебой, огромным музыкальным репертуаром, постоянным наблюдением: как, где, что поется, вкусовым ощущением подлинного, вкусовым отращиванием к искусственному. Это пронизывает все его существо. И еще я должна сказать, что этим своим высоким вкусом Нестеренко соприкасается еще с одной важнейшей чертой подлинного искусства. Дело в том, что ни один певец, ни один поэт, ни один музыкант не может не выразить в своем творчестве характера своего отношения к жизни, своего нравственного существа, своей внутренней совести, которая ясно говорит человеку, что хорошо и что плохо.

Нестеренко учит нас очень большому нравственному чувству. Вы понимаете, что перед вами не только замечательный певец, крупный бас, но и человек. Глубокая человечность, прежде всего правдивость выражения, доброта отношения к слушателю, желание доставить ему наслаждение, дать настоящий кусок хлеба искусства — вот что привлекает к нему сердца.

Он, когда я спрашиваю его о прошлом, о том, что на него влияло, очень хорошо сказал о своих двух учителях: о Матвеевой, которая вела кружок самодеятельности в Ленинградском университете, и о Луканине — певце бывшей Маринки, преподавателе Ленинградской консерватории. Первое, что он сказал, чем они его привлекли, за что он любил и любит их, — это нравственная атмосфера, окружающая их. Дышалось там хорошо, там не было злословия, не было фальши. Не было желания кому-то повредить, кого-то выдвинуть. Ни капли того, что можно назвать ячеством, думой о себе, своей преподавательской деятельности. Это были люди чистые, которые хотели передать свою справедливую, я бы сказала, праведную, чистоту отношения к ученикам — молодым начинающим артистам.

Он расцветал в этой нравственной атмосфере. Она его несла. И любовь его к учителям покончила на атмосфере нравственной чистоты. Это ведь, товарищи, не так часто встречается. Многие мне рассказывали о своем прошлом, большие иногда таланты. Причем они не всегда упоминали даже о своих учителях. А иногда упоминали с неудовольствием: мол, те недоценили их, или задвигали, или что-то еще такое, что показывало — педагогика в жизни этих больших талантов большой роли не играла.

Не знаю, отчего. Оттого ли, что не было отдачи им или, наоборот, умения получать. Я лично думаю, что не было умения получать.

А у Евгения Нестеренко огромный талант получать, связанный с его необычайной скромностью. Он уже в зените славы, выступает на крупнейших сценах мира, но не отказывается ездить в рабочие центры, отдает свой талант щедро, великодушно, благодарно. Нынешним летом он был во Владивостоке, использовав несколько свободных дней, от приезда откуда-то до отъезда в Англию. Он буквально часы использовал, данные ему для отдыха, чтобы полететь во Владивосток. Он говорил мне, что бывал там у рыбаков, у моряков. Всюду, где жаждали услышать его голос. Он пел и пел. И никогда не отказывался петь на «бис».

Я лично считаю огромным наслаждением для себя, что в свои старые дни смогла послушать Евгения Нестеренко, и счастьем для меня является то, что сейчас могу сказать ему всенародно свое «спасибо».